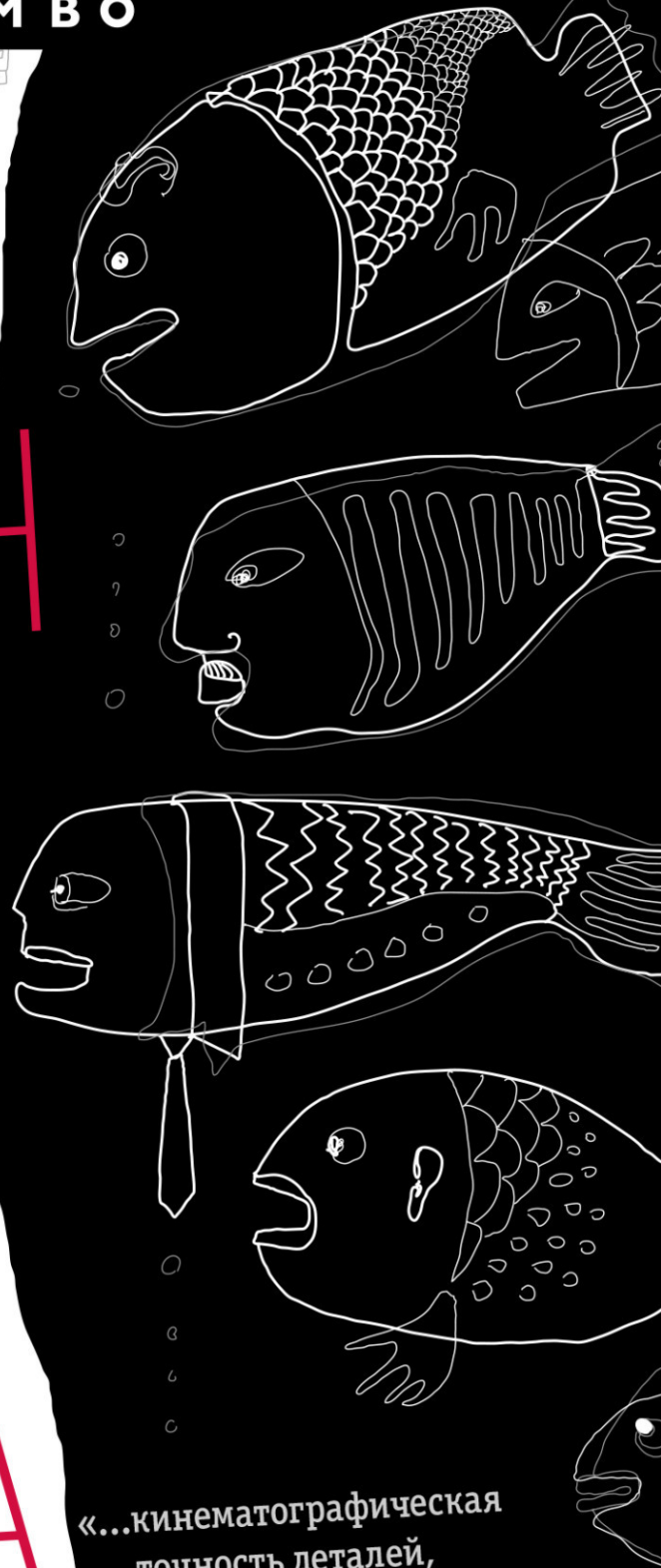

АЛЕКС ТАРН

ДЕВУШКА ИЗ УФК

18+

«...кинематографическая
точность деталей,
метафорическая
насыщенность, помноженная
на скрупулезно и изысканно
разработанные сюжетные
линии... Все вместе это
имеет точное название –
настоящая литература».

ЛЕОНИД ГОМБЕРГ

Алекс Тарн

Девушка из JFK

«Вимбо»

2021

Тарн А.

Девушка из JFK / А. Тарн — «Вимбо», 2021

ISBN 978-5-00224-669-4

Бетти живет в криминальном районе Большого Тель-Авива. Обстоятельства девушки трагичны и безнадежны: неблагополучная семья, тирания, родительское пренебрежение. Чувствуя собственное бессилие и окружающую ее несправедливость, Бетти может лишь притвориться, что ее нет, что эти ужасы происходят не с ней. Однако когда жизнь заводит ее в тупик, она встречает Мики, родственную душу с такой же сложной судьбой. На вопрос Бетти о работе Мики отвечает, что работает Богом, а главная героиня оказывается той, кого он все это время искал, чтобы вершить правосудие над сошедшим с ума миром. Так и начинается эта захватывающая и непростая история. «Девушка из JFK» не потворствует общепринятым представлениям о «добре» и «зле». Этот захватывающий триллер разрушает штампы и раскрывает человеческую натуру с неожиданной стороны. Есть лишь одна проблема – начав, вы не сможете оторваться! «Кинематографическая точность деталей, метафорическая насыщенность, помноженная на скрупулезно и изысканно разработанные сюжетные линии. Всё вместе это имеет точное название – настоящая литература». — Леонид Гомберг

ISBN 978-5-00224-669-4

© Тарн А., 2021

© Вимбо, 2021

Содержание

1	6
2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Алекс Тарн

Девушка из JFK

© Алекс Тарн
© ООО «Вимбо»

* * *

1

Я родилась в Холоне, в квартале Джей-Эф-Кей, что в данном случае означает не Джон-Фицджеральд-Кеннеди, чьим именем назван знаменитый аэропорт – врата в вожделенный американский рай, а Джесси-факинг-Каган – врата в преисподнюю, воняющую мочой и горами гниющих отходов, высящихся рядом с обожравшимися мусорными баками. Мое короткое детство прошло там, куда бояться заезжать такси и городские автобусы. Я училась ходить на улицах, чей асфальт похож на свежевскопанный огород – и это примерно единственная свежесть, которую можно отыскать в квартале Джесси Каган. Приход субботы здесь отмечается бурлением переполненных канализационных люков, парни еще до бар-мицвы состоят на учете в полиции, а девушки скрывают свой адрес от друзей из других районов, поскольку всякий знает, что в Джесси Каган живут только шлюхи и наркоманки.

Моя мать, чьего имени я не назову, потому что эта сучка не достойна даже собачьей клички, оценилась мною, когда ей едва исполнилась шестнадцать, и наверняка оставила бы в роддоме, если бы не ее сестра Мали, своей волей забравшая меня домой – вернее, в то место, которое условно считалось домом. Когда пришло время регистрировать ребенка, не чуждая юмора мамаша назвала меня Батшевой – по той неординарной причине, что понятия не имела, кто из семи – а то и семидесяти семи – возможных кандидатов мог бы претендовать на роль моего отца.

На этом она сочла долг материнства исполненным и бесследно смылась из дома, захватив при этом весь недельный навар, который Йоси, старший из ее братьев, едва успевший стать моим дядей, заработал, продавая героин на углу улицы Зрубавель. Мерзавка не могла не знать, чем это грозит: сумма была значительной, и Йосины боссы слышать не желали о задержке. Тем не менее мой дядя не терял оптимизма и верил, что, учитывая годы безупречной службы, ему удастся договориться.

Однажды вечером ему позвонили и сказали спуститься во двор. На всякий случай Йоси прихватил с собой двух других братьев. Назад они вернулись без него и на вопрос бабушки ответили, что соглашение о рассрочке достигнуто: им вдвоем предстоит отработать задолженность в течение трех месяцев.

– Почему вдвоем? – удивилась бабушка. – Где Йоси?

Йоси к тому времени уже перестал булькать перерезанным горлом в нескольких метрах от нашего подъезда. Полиция так и не нашла его убийц, хотя их имена знали здесь даже кошки: в квартале Джесси Каган не говорят с ментами. Эту печальную историю я слышала много раз еще до того, как могла понять значение составляющих ее слов: ведь сорвать вполне оправданный гнев можно было только на мне – невинной, но единственной представительнице родившей меня подлой шалавы. Сказать, что я росла нелюбимым ребенком, значит не сказать ничего. Бабушка терпеть меня не могла, а дяди упоминали исключительно в третьем лице, словом «эта»: «А где эта?.. Надо бы эту куда-нибудь пристроить... Эта все больше становится похожей на свою сучку-мамашу...» – и так далее.

Более-менее человеческое отношение я видела лишь от тети Мали – той самой, которая нипочем не хотела оставлять меня в роддоме. Понятно, что она желала мне добра. И все же не исключено, что моя судьба сложилась бы куда лучше и спокойней, если бы я еще младенцем досталась какой-нибудь бездетной интеллигентной паре из богатых районов Тель-Авива... Но сейчас-то чего уж плакать по убежавшему молоку... Забавно, что в моем случае это расхожее выражение можно понимать буквально, ведь мое материнское молоко действительно сбежало вместе с мамашей. Так что давайте остановимся на том, что все, что ни случается, – к лучшему. Вершитель судеб – или тот, кто изображает такого – знает, что делает. Положимся на него.

К сожалению, Мали не могла заменить мне мать: ей нужно было думать о собственном будущем, в ближнюю картину которого совсем не вписывался маленький ребенок – даже свой, не говоря уже о сестринском. Из квартала Джесси Каган не так-то легко выбраться подброду. Мали выбралась – через армейскую карьеру, оставив меня на попечение скорбящей бабушки и двух дядьев, отрабатывающих долги убитого брата на углах улицы Зрубавель.

Видит Бог, я изо всех сил старалась быть незаметной и не докучать никому, но это плохо получалось. Маленькие дети имеют досадное обыкновение постоянно вырастать из одежды; их надо кормить, причесывать, завязывать шнурки, отправлять в школу, забирать с улицы в неурочное время. По-видимому, я выглядела настолько заброшенной, что на это обратили внимание даже социальные службы квартала, привычные к вопиющему уровню здешнего запустения. Когда они заявили в нашу квартиру, Мали там не было: она училась на офицерских курсах и почти не отлучалась с армейской базы. В ее отсутствие вопрос о моей судьбе решился моментально.

– Забирайте! – сказала бабушка.

– Наконец-то! – сказали дядья.

В восемь лет меня передали бездетной пожилой паре из поселка невдалеке от Ашдода. Они жили в большом двухэтажном коттедже с подвалом, гаражом и ухоженной лужайкой, по краям которой стояли служебные сарайчики и домик-пряник для барбекю. Мой приемный отец владел на рынке фалафельным киоском, и поэтому от него вечно пахло горелым маслом. Сначала меня подташнивало, но потом я перестала чувствовать этот запах – как выяснилось, на время. Вообще же Цвика – так его звали – казался добрым толстяком, улыбчивым, одышливым и сильно потеющим, как и положено толстякам.

Его жена Жаннет, сухопарая тетка с поджатыми от рождения губами, была помешана на чистоте и порядке. Ей повсюду чудились тараканы – как видно, с прежних времен, когда мои приемные родители еще не накопили на дом и жили в хибаре за киоском. Когда сейчас при мне говорят что-нибудь типа: «У каждого свои тараканы», я непременно вспоминаю ее, с баллончиком ядовитого аэрозоля в руке скользящую по периметру комнат в поиске воображаемых членистоногих врагов. Даже сидя перед телевизором, она постоянно зыркала в сторону плинтуса и время от времени вскакивала с криком:

– Смотри, смотри!

– Оставь, Жаннет, – благодушно откликнулся Цвика.

Он звал ее именно так, с добавлением твердого «д» в начале. Наверно, в устах какого-нибудь Дюма это звучало бы на аристократический манер: д'Жаннет, подруга д'Артаньяна, но Цвика всего лишь продавал фалафели на ашдодском рынке.

– Оставь, Жаннет, нет там ничего.

– Ну как же, вон он побежал...

Жаннет хватала баллончик и принималась обильно пшикать аэрозолем под диван, отчего в гостиной становилось трудно дышать. Помимо охоты на тараканов, собирания марок игр-лотереи «Супермаркет» и занятий домашним хозяйством, она изготавливала кукол – для украшения и на продажу в дома, где в принципе не бывает насекомых. Мне запрещалось даже при-трагиваться к этим произведениям искусства – не то что играть. Впрочем, мне и не хотелось. Детских игрушек у меня не было никогда, и я научилась играть в одну-единственную игру: представляла, что меня нет. Что меня нет, и люди ходят вокруг, не замечая моего присутствия, которого нет. Кому придет в голову кричать на девочку, которой нет? Можно ли привязать такую девочку к кровати или к стулу, как это делали, уходя из дома, мои дядья? Вряд ли – ведь ее нет. А если ее все-таки привязали, то можно представить, что привязана вовсе не я, потому что меня нет.

Через две среды на третью к Жаннет приходили заказчицы. Она выставлила свое творение, и женщины принимались увлеченно обсуждать покрой кукольного передника, снимать и

надевать предметы кукольной одежды, расчесывать кукле волосы и совершать прочие подобные действия, более присущие девочкам дошкольного возраста. В такие моменты я обычно сидела в уголке, представляя, что меня нет. Со стороны это, наверно, выглядело странно: маленькая девочка смотрит, как пожилые солидные тети играют в куклы.

Думаю, что и меня Жаннет воспринимала как еще одну куклу, предназначенную разнообразить вид салона. Этим и объяснялось то пристальное внимание, с которым она относилась к моей внешности: я всегда была хорошо причесана и одета с иголочки.

– Ну просто куколка! – восхитилась тетя Мали, приехавшая вскоре после моего удочерения, чтобы проверить, все ли в порядке.

Ха! Сама мысль о том, что у помешанной на порядке д'Жаннет может быть не в порядке хоть какая-то мелочь, до смерти насмешила бы любого таракана. На взгляд постороннего наблюдателя, «куколка» Батшева располагала не только собственной спальней, оформленной, само собой, в подчеркнуто кукольном стиле, но и комнатой для игр, где на идеально параллельных полках восседали расставленные строго по росту плюшевые мишки, а в углу сиял чистотой дорогой кукольный дом, похожий на уменьшенную копию хозяйского коттеджа.

Разумеется, я не касалась этого воплощенного совершенства даже мизинцем – из опасения ненароком сломать или просто сдвинуть с места какой-нибудь игрушечный столик. Но как раз этого вышеупомянутый наблюдатель мог и не заметить; в общем и целом, выходило, что малолетняя уроженка квартала Джесси Каган вознеслась из преисподней адского прошлого на поистине райские высоты светлого будущего. Жаловаться в такой ситуации было бы крайней неблагодарностью, но я не жаловалась еще и по другой причине: не делала этого никогда, сколько себя помню. Видимо, мне довольно быстро, еще в младенческом возрасте, стало ясно, что жаловаться просто некому.

В итоге тетя Мали завершила свою инспекторскую поездку самыми благоприятными выводами. Это расстроило меня: одно дело «посторонние наблюдатели» и совсем другое – единственный человек, который когда-либо отнесся к тебе по-человечески. Я полагала, что уж она-то могла бы быть чуть более внимательной. Возможно, ей просто очень хотелось заключить, что со мной все хорошо. Хотелось сбросить с шеи лишнюю заботу. В то время Мали уже тащила на себе собственную семью: мужа – самоуверенного старшину-сверхсрочника, который изменял ей направо и налево, двух детей-погодков, удушающую ипотеку и надежную, но дурно оплачиваемую службу в одном из мелких муниципальных советов. Если честно, ей было не до меня...

Спустя неделю после визита тети Мали мой приемный папа Цвика сказал, что хочет мне кое-что объяснить. Местом для объяснения он выбрал подвал – не знаю почему: в доме и так никого не было, потому что Жаннет уехала за покупками. Возможно, боялся, что кто-то увидит через окно, или просто оттого, что мерзость не любит дневного света.

– Тебе нравятся мальчишки? – спросил он, усевшись на табурет и взяв мои ладони в свои.

Я пожала плечами. Что можно ответить на такой глупый вопрос? В ту минуту меня больше интересовал странный вид толстяка: он тяжело дышал, потел больше обычного и постоянно сглатывал слюну, а глаза смотрели растерянно и с каким-то испугом.

– Ты должна кое-что знать, – продолжил Цвика. – Я объясню тебе про мальчишек. Чего они хотят от девочек. Чего девочкам нельзя с ними делать. Потому что иначе ты не поймешь...

Он переложил обе мои ладошки в свою левую руку, а правой расстегнул штаны и предъявил их содержимое. Из рта у него стекла струйка слюны – забыл сглотнуть.

– Вот что есть у мальчишек, – сказал толстяк. – Не бойся, потрогай. Ну... давай...

Мне было всего восемь, но я росла на улицах квартала Джесси Каган, и меня далеко не каждый день привязывали к кровати или к ножке стола. Я точно знала, что именно находится у мальчишек в штанах и что с этим делают сами мальчишки – как подростки-малолетки, так и взрослые парни. Думаю, я уже тогда была осведомлена о главных деталях процесса

ничуть не меньше своего приемного папаши. Когда ты живешь в двухкомнатной живопырке с двумя дядьями-наркодилерами, которые то и дело приводят туда своих обдолбанных подружек, трудно остаться в неведении относительно подобных вещей.

– Не хочу! – крикнула я и попыталась вырваться. – Пусти!

Но проклятый боров не выпускал меня из рук.

– Потрогай... потрогай... потрогай!

Постепенно его интонация сменилась с просительной на требовательную. Теперь он уже кричал.

– Не хочешь?! А знаешь, чем это обычно кончается?! Знаешь?! Я тебе покажу!

И показал.

Мне шел девятый год. Он крепко держал меня, но я и так не могла шевельнуться от боли и отвращения. Именно тогда я поняла, что вовсе не привыкла к вони горелого масла – она хлынула в мои ноздри, как канализационная жижа, – так, что я едва не задохнулась от нехватки воздуха. Жирное животное сопело, дергалось и стонало надо мной, и мне не оставалось ничего, кроме как прибегнуть к своей проверенной, надежной игре: представить, что меня нет. Это делают не со мной, потому что меня нет. Меня нет. Меня нет...

Кончив, он подобрал слюни, отнес меня, которой нет, в ванную и вымыл.

– Если кому-нибудь проговоришься, тебе не поздоровится... – сказал он, помолчал и добавил: – И твоей тете Мали тоже. Вам обоим не поздоровится. Поняла?..

Это продолжалось без малого пять лет. Пять лет тошнотворной вони горелого масла и хумусных бобов. Пять лет слюнявой пасти над моим лицом. Пять лет отвратительной жирно-студенистой массы на моем теле. Сначала я пробовала прятаться, когда Жаннет уходила, но это лишь ухудшило положение: хряк стал заявляться ко мне по ночам. Потом я стала заворачиваться в простыню наподобие египетской мумии. Это тоже не помогало – беззвучная борьба лишь еще больше распяла насильника. Обычно я угадывала его грядущий приход по салному, липкому, как столы его поганого киоска, взгляду, который он приклеивал ко мне накануне вечером. В такие ночи я не могла заснуть: мне казалось особенно ужасным, если приемный папаша начнет насиловать меня спящую, когда я еще не ввела себя в состояние «меня нет».

Но мне было не до сна и после того, как, отхрюкав свое потное наслаждение, он сползал с кровати и трусил назад в супружескую спальню. Я вставала и, держа враскоряку руки и ноги, как человек, вылезший из выгребной ямы, ковыляла под душ и стояла там, пока не подкашивались колени. Потом я полностью перестилала постель и возвращалась в нее, когда за окном уже начинало светать. Высыпаться приходилось в другие, спокойные ночи, когда по отсутствию клейкого взора своего мучителя я понимала, что на этот раз мерзость отменяется.

Однажды он вернулся с рынка разбитым и сильно расстроенным. Из его разговора с д'Жаннет стало ясно, что день получился крайне неудачным: на жирного Цвику наехали – то ли полиция, то ли рэкетеры.

– Ног под собой не чую, Джаннет... – жаловался он, вонючей амёбой растекшись по креслу в гостиной.

– Иди приляг, зайчик, – мелодично откликнулась жена.

Судя по тому, как, едва переставляя ноги, «зайчик» поднимался по лестнице, мне предстояла совершенно безопасная ночь. Наверно, поэтому сна не было ни в одном глазу. В какой-то момент мой взгляд упал на календарь, и я вспомнила: пятое ноября – это ведь мой день рождения. Мой тринадцатый день рождения. В квартале Джесси Каган эти дни не отмечались никак, потому что какой же дурак станет отмечать годовщину появления обузы – или, как говорили дядья, «этой». А здесь, в кукольно-фалафельном коттедже, мне становилось дурно от связанной с днем рождения необходимости принимать знаки внимания «приемного отца». Он был одинаково омерзителен и когда трепал меня по щечке, и когда засовывал в меня свою

штуку. Когда я сказала Жаннет, что не желаю приглашать подруг, получать подарки и вообще каким-либо образом отличать этот день от других, она удивилась, но не стала настаивать.

Я и сама не очень-то помнила – спохватывалась двумя-тремя днями позже и тут же мысленно отмахивалась: еще один год прошел, ну и фиг с ним, впереди такой же... Не знаю, почему именно тот вечер – вечер тринадцатилетия – вдруг показался мне не то чтобы важным, но каким-то особенным.

«Тринадцать, – думала я, глядя на квадратик календаря. – Тринадцать – это уже не девочка. Моей суке-мамаше было всего на два года старше, когда она забеременела мною. Еще немного, и я свалю от поганого фалафельщика и его воблы. Уйду и даже не оглянусь. Тринадцать...»

Скажем так: мне впервые в жизни нравился мой день рождения. Я заснула с улыбкой. Я проснулась от вони горелого масла и капель слюны на лице. Надо мной нависал задыхающийся от вожделения толстяк. Стоя на четвереньках, он поворачивал меня на спину. Как же так?! Засыпая, я была настолько уверена в своей безопасности, что даже не потрудилась завернуться в простыню! Он ведь не мог прийти! Я уперлась руками в жирную подушку его груди и закричала:

– Не-е-ет!

– Тихо! – брызнув слюной, прошипел он и зажал мне рот пухлой короткопалой ладонью, которая больше напоминала отвратительную жабу.

«Это ведь мой день рождения! – мелькнуло в моей голове. – В мой день рождения меня изнасилует вонючий боров, а я не смогу даже пискнуть из-за склизкой жабы на своих губах!»

У меня не было времени на подготовку. Я просто не успевала представить, что «меня нет». А может, не хотела больше представлять ничего такого. Я есть! В конце концов, это подтверждалось фактом моего дня рождения – дня моего настоящего рождения. Да-да, в отличие от других людей, я родилась в тринадцать лет. Я есть! И я, которая есть, что есть силы вмазала ногой по болтающимся над моим животом фалафелям. Фалафельщик как раз заносил колено, намереваясь раздвигать им мои бедра, так что удар пришелся прямо по центру ворот. Он ахнул, хватанул ртом воздух и, выдавив из себя неожиданно тоненькое «а-а-а...», плюхнулся рядом с кроватью.

Грохот получился немалый – по дороге к полу толстяк сокрушил еще и стул, выкрашенный, как и всё в моей комнате, в кукольный розовый цвет. Подобрав простыню и запахнув растерзанную пижаму, я прижалась спиной к стене и ждала, что будет дальше. Я твердо намеревалась сражаться. Я не надеялась на победу, потому что уже тогда знала, что надежда – плохой союзник. Выходя на бой, готовясь к самому худшему. Но распростертая на полу туша не шевелилась. В свете настольной лампы – обычно он зажигал свет, чтобы наслаждаться еще и зрелищем... – в свете настольной лампы я видела, как пузырится слюна на его мокрых подрагивающих губах. Глаза были широко раскрыты и смотрели в мою сторону, но не на меня, а куда-то сквозь – так что мне даже захотелось обернуться, чтобы проверить, нет ли там еще одного чудовища.

Я ждала, что он вот-вот перевернется на четвереньки, потом, задыхаясь, поднимется на ноги и вновь нависнет надо мной своей сто пятидесятикилограммовой тушей. Но вышло иначе: на шум прибежала проснувшаяся кукольная аристократка д'Жаннет. Конечно, она прекрасно знала, что муж пристрастился играть с одной из ее кукол. Просто ему, как кормильцу и хозяину дома, позволялись такие чудачества – тем более что других кукол он не касался вовсе...

Встав в дверях, Жаннет окинула взглядом картину и бросилась к мужу. Минуту-другую она, причитая, ползала вокруг него, как муравей вокруг дохлой мухи: заглядывала в глаза, щупала пульс, искала на шее артерию и даже пыталась делать искусственное дыхание. Затем повернулась ко мне. Ее рыбы глаза сверкали от ненависти. Это был первый и последний раз,

когда эта сушеная вобла проявляла какие-либо чувства – не только ко мне, но и при мне, вообще.

– Ты! – провизжала она. – Ты! Развратная тварь! Что ты с ним сделала, проשמандовка?! Ты убила его! Убийца! Убийца!..

Из чего я заключила, что муха, возможно, и в самом деле сдохла, хотя следует подождать с окончательными выводами. По опыту квартала Джесси Каган, далеко не всегда то, что выглядит трупом, оказывается таковым впоследствии. В больнице латают даже множественные ножевые ранения, а уж удар по фалафелям – тем более. Приехала «скорая», и, хотя Жаннет успела натянуть на своего борова штаны, бывалому парамедику хватило одного взгляда, чтобы проникнуть в суть сюжета. Говоря с Жаннет, он то и дело косился на меня. Невзирая на крики сушеной воблы, которая требовала, чтобы я оделась и убралась вон из комнаты, я продолжала сидеть на кровати, прижавшись спиной к стене и грудью – к простынке, моей единственной защите со стороны фронта.

– Похоже на обширный инфаркт, – сказал парамедик. – Остановка сердца. Мы отвезем его в реанимацию, но вам следует подготовиться к самому худшему.

Жаннет взвыла.

– Девочку мы тоже заберем, – дождавшись паузы в вое, продолжил парамедик. – У нее явные признаки шока. Думаю, помимо полиции, придется подключить социальные службы. Это ведь ваша дочь?

– Дочь?! – с ненавистью повторила Жаннет, заливаясь слезами. – Какая она мне дочь?! Развратная тварь! Убийца! Это она его убила! Она! Так и запишите!..

– Запишем, обязательно запишем...

Парамедик подошел и слегка потряс меня за плечо.

– Поедешь с нами, дочка. Было бы хорошо, если бы ты оделась. Ты меня слышишь?

Я взглянула на него и хотела сказать: «Слышу», но не смогла. Это очень странное ощущение, когда у тебя вдруг перестает ворочаться язык. Да что там язык – даже рот. Рот попросту отказывается открываться для слов. Открывается для дыхания, для еды, для плевок – но только не для слов. Удивительная вещь.

Парамедик удовлетворенно кивнул: похоже, моя реакция – вернее, отсутствие таковой – блестяще подтвердила его первоначальный диагноз. Нам пришлось ждать приезда второй «скорой», потому что вынести и погрузить тушу фалафельщика силами одной не представлялось возможным. Перед тем как сесть в машину, Жаннет сказала, что должна запереть дом, и предложила всем выметаться, включая меня.

– Не позволяйте ей хотя бы одеться? – без особой надежды в голосе спросил парамедик.

– В тюрьме оденут! – огрызнулась вобла. – Вон! Все вон!

Больше я ее не видела. Фалафельщик Цвика и в самом деле отдал концы. В больнице меня сдали с рук на руки тетушке из социальной службы, которая долго, участливо и абсолютно безуспешно пыталась добиться от меня хотя бы звука. Затем к ней подключилась симпатичная девушка в полицейской форме – с тем же результатом. В квартале Джесси Каган не говорят с ментами, но мое упорное молчание было совсем иной природы. Я ведь и сама не могла добиться от себя ни звука.

Наверно, это и называется шоком. Как-никак, я убила человека. Не борова, не хряка, не животное, не чудовище – человека, хотя он и поступал со мной в точности как мерзкий чудовищный хряк. Да, в графе «причина смерти» записали «обширный инфаркт», или «ишемическая болезнь сердца», или еще какую-нибудь мудреную медицинскую фразу, но это ничуть не меняло того факта, что, не пни я его по фалафелям, он еще жил бы и жил. Получалось, что я – убийца. Пусть невольная, пусть в пределах самообороны, но – убийца. Я, Батшева Зоар, начавшая жить лишь в тринадцать лет, не нашла ничего лучшего, чем отметить начало своей жизни убийством. Наверно, это и в самом деле заслуживает шока.

Способность говорить вернулась ко мне примерно полгода спустя в приюте для малолетних жертв домашнего насилия. Обязанности заведующей, воспитательницы, няни и утешительницы исполняла там одна-единственная женщина с сильным американским акцентом и символическим для меня именем Джессика. Во время нашей первой встречи, не получив ответа ни на один из заданных вопросов, она понимающе кивнула.

– Молчишь? Ну, молчи, не страшно. Тут многие начинают с молчания... – она указала на высящиеся вдоль стен стеллажи. – Попробуй общаться с ними. Книжки – самые разговорчивые друзья в мире, и главное, никого не обижают.

Я попробовала, и мне понравилось. Собственно, особого выбора там не было: Джессика принципиально обходилась без телевизоров и прочих мерцающих поверхностей, включая компьютерные мониторы и экранчики смартфонов. За два с небольшим приютских года я проглотила почти всю тамошнюю библиотеку. Книжки мало-помалу вернули меня и к речи, и к жизни.

Шломин, одна из моих ровесниц, попала в приют из Нетании – так она сказала, когда мы познакомились. Шломин Царфати из Нетании и Батшева Зоар из-под Ашдода. Потом, когда мы подружились по-настоящему, выяснилось, что она из квартала Джесси Каган. Узнав об этом, я расхохоталась.

– Чего ржешь? – обиделась Шломин. – Не все, кто из Джесси-факинг-Каган, шлюхи...

– ...и наркоманки, – дополнила я сквозь смех. – Взять хоть меня. Ну что вылипилась? Я тоже из Джей-Эф-Кей, будь он здоров...

Так мы нашли друг дружку, две джей-эф-кейки – в приюте для малолетних жертв насилия, где же еще. Шломин была старше меня на два месяца. Когда ей исполнилось пятнадцать, мы поехали на вечеринку в честь ее дня рождения. Праздновали в большой квартире ее старшего брата, в том же квартале Джесси Каган. Брата звали Мени. Под конец вечера он взял меня под локоток и сказал, что хочет кое-с-кем познакомить. Тут бы мне вспомнить фалафельщика, но я была уже порядком обкурена и пошла. Мени завел меня в спальню и без лишних разговоров толкнул на кровать.

– Ты что?

– А то тебе непонятно, – сказал он, деловито залезая мне под юбку. – Лежи спокойно, а то придушу.

– Я не хочу! – сообщила я.

Мени засмеялся.

– Все телки хотят. Просто не все они об этом знают. Кроме того, ты мне нравишься. Я не шучу.

И я подумала: «Почему бы и нет? Он все равно сильнее и уже стягивает с меня трусы. Парень симпатичный, хотя, говорят, бандит. Ну и что? Мои дядья тоже дилеры. Это ведь Джесси-факинг-Каган...»

В общем, несмотря на то что я не стала кричать и сопротивляться, такие вещи называются изнасилованием. В приюте нас учили сразу заявлять о подобном в полицию. Но, во-первых, в Джесси Каган не говорят с ментами, а, во-вторых, Мени действительно не шутил – и про «придушу», и про «нравишься». Мы стали встречаться, а через три месяца я и вовсе переехала к нему жить.

Квартал Джесси Каган – не какая-то там река, в которую нельзя войти дважды. Круг замкнулся, когда я обнаружила, что беременна. Моя сучка-мамаша родила меня в шестнадцать лет, а теперь вот и я шла тем же фарватером. И хотя, в отличие от сучки, я точно знала, кто меня обрюхатил, это было слабым утешением. Отец из Мени получился, мягко говоря, хреновый. К моменту нашей встречи он отсидел уже два коротких срока. В Джей-Эф-Кей большинство парней разгуливают с ножичками, но далеко не все вытаскивают их, чтобы пустить в ход. Мени

славился в этом отношении особенной безбашенностью. Он предпочитал работать опасной бритвой и сразу предупредил, чтобы я не вздумала выпендриваться:

– На первый раз порежу морду, на второй – глотку, так что третьего не будет.

И, судя по тому, что я о нем слышала, Мени Царфати не разбрасывался пустыми угрозами. Он заправлял бригадой, которая охраняла территорию квартала от вторжения конкурентов: арабских кузенов из Яффо и братьев-евреев из Бат-Яма. Поговаривали, что именно Мени зарезал своего отца, Царфати-старшего, – того самого, из-за которого оказалась в приюте моя подруга Шломин. Он сидел на кокаине, но старался не злоупотреблять, чтобы не разочаровывать боссов. Поэтому наша совместная жизнь металась, как шарик в компьютерной игре, от ломки к обдолбанности и обратно.

Думаю, я бы тоже подсела, если бы не малыш. Я сохранила его – сначала в животе, а потом на руках – только из-за смертельной обиды на свою собственную мать, только потому что не хотела походить на нее, повторять ее подлость. Мени потребовал назвать малыша Ариэлем, Ариком – в честь своего покойного отца.

– Того, которого ты зарыл под дюной? – саркастически поинтересовалась я, хотя в принципе не возражала против имени.

У этого бандита хотя бы был отец – в отличие от меня, моей матери и, видимо, моей бабки. А уж зарезал он этого отца или нет – дело десятое... Я имела в виду только это, не более того, но Мени ответил мне взглядом, от которого душа уходила в пятки у самых отвязных отморозков.

– Вот что, Батшева, – сказал он с расстановкой. – Во-первых, Тора приказывает чтить своего родителя, даже если его пришлось положить под дюну за то, что трахал свою малолетнюю дочь. Во-вторых, ты знаешь обо мне слишком много. Слышала ли ты, что случается с теми, кто знает обо мне слишком много?

– О чем ты, мамми? – я постаралась усмехнуться как можно беспечнее. – Разве я тебе не жена и не мать твоего сына? Разве я не родилась в квартале Джесси Каган?

Разговор происходил в преддверии ломки, когда Менахем Царфати был склонен подозревать всех и вся. Некоторое время спустя его арестовали. Следствие вели с широким охватом, давили на свидетелей, изобретали всевозможные ментовские трюки, сулили золотые горы потенциальным доносчикам и вроде бы даже нашли кого-то. Мени ушел в полную несознанку, молчал, как рыба, и эта стратегия оправдалась. Единственный дурачок, согласившийся свидетельствовать, не дожил до суда. Бедняга прятался в Мексике, но его достали и там. В итоге прокурорам пришлось ограничиться мелочевкой: Мени сел на три года, хотя мог бы получить с полдюжины пожизненных.

Когда наконец разрешили свидания, я поспешила к нему. Он уделил мне полминуты: ровно столько, чтобы сказать, что лично займется мною по выходу из тюрьмы. Не знаю почему, но Мени был уверен, что это я сдала его ментам. За время следствия его паранойя выросла десятикратно.

– Я мог бы поручить другим, – сказал он, прожигая меня «тем самым» взглядом, – но такие вещи мужчина должен делать своими руками. Жди, сучка.

– Мени, – пролепетала я, обмирая от ужаса, – ты ошибаешься, Мени. Я ни в чем...

Но он уже отвернулся от меня к тюремщику, сигнализируя, что хочет вернуться в камеру. Следующие два года я провела в напряженной подготовке к предстоящему возвращению отца моего ребенка. Денег катастрофически не хватало. Мне платили пособие, кое-что подкидывала тетя Мали, время от времени подворачивалась подработка в приюте; остальное приходилось добывать уборкой чужих квартир и мытьем лестниц в подъездах добропорядочных кварталов. Жила я по-прежнему в Мениной квартире, но заранее присмотрела себе убежище в одном из ветхих домов Южного Тель-Авива, где ютились лишь суданские нелегалы и те, кому совсем некуда податься.

На что я надеялась? Наивно ожидать, что получится надолго спрятаться от того, кто с легкостью нашел сбежавшего штинкера в Мексике, за горами и морями. Но я и не планировала скрываться слишком долго. Мне хотелось продержаться хотя бы три-четыре недели, пока Царфати не подберет на свободе, набив нос кокаином и отойдя от застарелой тюремной злобы. Тогда, возможно, у меня появится шанс уговорить его не вынимать из кармана смертоносную бритву.

И вот, в один прекрасный октябрьский вечер, забрав Арика из детского сада, я вернулась домой аккурат к телефонному звонку. На другом конце провода был смутно знакомый мужской голос.

– Госпожа Батшева Царфати?

– Да.

– Добрый вечер. Это из полиции. Старший инспектор Шкеди.

Ну да, Шкеди, вспомнила я. Он допрашивал меня два года назад.

– Что вам от меня надо?

Он вздохнул.

– Вообще-то вы могли бы и повежливей. Я ведь со всей душой...

– Вы со всей душой посадили моего мужа, оставив меня одну с ребенком! – зло выпалила я. – Говорите, что надо, или я отключаюсь.

– О! – подхватил инспектор. – Я ведь звоню именно в связи с ним. Не с ребенком – с мужем. Мени Царфати выходит через неделю. Если, конечно, вы не опротестуете решение комиссии...

Пол поплыл у меня под ногами. Через неделю... всего через неделю...

– Аллю! – проговорил Шкеди. – Вы еще со мной или уже в обмороке? Пожалуйста, примите мой совет, госпожа Батшева. На вашем месте я бы опротестовал...

Я повесила трубку, не дожидаясь конца фразы. Идиот! О каком протесте он говорит? Протест, может, и задержит выход Мени на полгода или год, но уже точно лишит меня последнего шанса уцелеть. Я уложила Арика спать и долго сидела на кухне, свесив голову и опустив руки. Беда, сколько к ней ни готовься, всегда приходит внезапно. На следующее утро мы с малышом переехали в убежище, где намеревались прятаться от нашего любящего папочки. Эта девятиметровая комнатуха с отдельным входом была выгорожена хозяевами из поделенной натрое малогабаритной квартиры. В двух других частях проживало то ли двадцать, то ли сто двадцать суданцев и эритрейцев.

Две недели спустя мне уже хотелось, чтобы Мени нашел нас поскорее. Заплесневелые стены нашего жилища сквозили щелями, почерневший потолок грозил обрушиться, по ночам дуло, а нелегалы за перегородкой непрерывно выясняли отношения на неизвестном мне языке. Я выходила только за продуктами, а Арика и вовсе не выпускала. Но как долго можно продержаться без движения непоседливого четырехлетку? В какой-то момент мне стало настолько тоскливо, что я, нарушив все правила безопасности, позвонила тете Мали.

– Батшевуш! – радостно закричала она. – Куда ты пропала, тебя весь мир ищет! Почему твой мобильник отключен? И что это за номер?

– Я звоню из автомата.

– Еще есть автоматы? – удивилась тетя Мали. – Слушай, девочка, ты должна меня навестить. Это срочно. Завтра вечером. Приезжай вместе с Ариком.

– Я не могу, тетя Мали...

Мали вздохнула и вдруг, отбросив радостный тон, переключилась на режим жалобы:

– Девочка, ты должна. Я очень больна...

– Что случилось? – испугалась я.

– Я очень больна, – повторила она. – Завтра у нас последняя возможность увидеться, потому что на следующее утро меня увозят.

– Увозят? Куда?

– В другую больницу, на операцию. Приезжай завтра, вечером. И дай три длинных звонка, потому что мы не всех впускаем. Знаешь ли, такая болезнь...

Она вздохнула еще безнадежней.

– Да что за болезнь, тетя Мали?

– Вот приезжай, сама и увидишь! – решительно оборвала тетка. – Пока!..

Я вернулась к малышу, проклиная себя за то, что вообще подошла к телефонному автомату. Вот уж поистине: стоит всего на полшага отойти от хорошо продуманного плана – и тебя тут же утягивает в опасную неизвестность. Болезнь? Какая такая болезнь? Уж не специально ли она придумала эту историю, чтобы заманить меня к себе? Но зачем? Мали мне не враг – напротив, единственный близкий человек, одна на всем белом свете. Если она настаивает, да еще и по такой причине, могу ли я отказать?

Поселок, где жила тетя Мали, находился недалеко от Нетании, в стороне от мест обитания Мени Царфати и его бандитов, так что при определенном везении поездка туда могла сойти мне с рук. Но вполне могла и не сойти: если Мени ищет меня всерьез, то за домом тетки наверняка наблюдают... Конечно, разумнее всего было бы оставаться в убежище, но тоска одолела меня настолько, что я решила: будь что будет. Найдет так найдет. Убьет так убьет. Сидеть взаперти еще хуже. Арик, узнав, что мы едем к тете Мали, запрыгал от радости: он любил играть с ее младшим сыном, своим сверстником. Вид счастливого малыша окончательно развеял мои сомнения.

На всякий случай я составила маршрут в обход Центрального автовокзала. Лишняя пересадка удлинила дорогу и утомила мальчика; когда мы подходили к Малиному дому, Арик уже канючил не на шутку. Я позвонила трижды, как просила хозяйка. Ждать пришлось дольше обычного; затем послышался слабый голос:

– Кто там?

– Это мы, тетя Мали. Батшева с Ариком.

– Минутку, Батшевуш...

«Минутка» длилась так долго, что я начала сердиться. Стою тут, как дура, с капризничавшим малышом на руках... Наконец щелкнул замок, и дверь приоткрылась; в щели виднелось скорбное лицо моей облаченной в халат тети Мали. Господи, да она и в самом деле больна!.. Я вошла в темную гостиную, опустила Арика на пол и с превеликим облегчением распрямила затекшую спину. И тут вспыхнул свет – так неожиданно, что Арик вскрикнул и прижался к моей ноге. И сразу же нас оглушил хор дюжины голосов:

– С днем рождения!

Я попятилась к двери и наткнулась на Мали; пока мы топтались у входа, она сбросила домашний халат, под которым оказалось праздничное платье. Моя красивая тетя улыбалась во весь ярко накрашенный рот и ничуть не походила на серьезно больную.

– С днем рождения, Батшевуш!.. Рои, где ты? Рои! Смотри, кто к тебе пришел! Это ведь Арик!

Рои, ее младший сын, уже бежал к нам, не дожидаясь повторного приглашения. Лишь в этот момент до меня дошло: сегодня пятое ноября, мой день рождения. Двадцать лет. Мне двадцать лет. Слезы хлынули, прежде чем я успела нажать на тормоза. Оставалось лишь закрыть лицо руками и заставить себя всхлипывать не слишком громко. Мали, обняв за плечи и бормоча что-то успокоительное, отвела меня в ванную. Вот уж сюрприз так сюрприз...

Приведя в порядок мою распухшую от слез физиономию, мы вернулись к гостям, и я смогла в полной мере оценить предусмотрительность тети. Среди приглашенных не было никого, кто мог бы выдать меня – намеренно или случайно: ни бабушки, ни дядьев, ни тем более Мениных родственников, включая Шломин. Квартал Джесси Каган остался на этом празднике без представителей. Что, конечно, имело и оборотную сторону: я знала здесь только

Мали и ее семью. Остальной кворум моя заботливая тетя набрала с бору по сосенке из соседей, а также из друзей и сослуживцев мужа.

Среди последних выделялся невысокого роста крепыш по имени Мики Шварц – не столько своей непримечательной внешностью, сколько дорогим костюмом и галстуком, что выглядело необычно для наших мест, где даже на свадьбы и официальные приемы норовят прийти в мятых джинсах и футболке с растянутым воротом. Знакома нас, Мали сказала, что он вместе с ее благоверным отслужил срочную в бригаде «Голани».

– «Голани»? – удивилась я.

Мики поднял брови. На вид ему было лет сорок; короткая стрижка, квадратное лицо, круглые живые глаза и узкогубый щелеобразный рот, делающий его обладателя похожим на говорящего робота из мультфильма.

– Что в этом странного?

Я пожала плечами:

– Всякий знает, что голанчики те еще охламоны. Какая репутация, такая и одежда. А вы одеты, как будто вчера прилетели из Бостона...

– Одно другому не мешает, – рассмеялся Мики. – И кстати, я действительно здесь прямиком из аэропорта. Звоник позвонил как раз, когда я проходил паспортный контроль. Приезжай, говорит, на вечеринку. Надо порадовать день-рожденным сюрпризом одну невероятную красавицу. А я страсть как люблю радовать людей, особенно женщин, и особенно таких красивых...

Мы разговорились, болтали о пустяках. Я налегала на вино; пилось хорошо, вкусно и весело. Мики много смеялся, шутил, я ему явно нравилась. Из собравшихся в гостиной незнакомцев, гостей моего двадцатилетия, мне было легче всего именно с ним. В его располагающем с первого взгляда облике чувствовалось что-то уютное, домашнее – по-видимому, от доброжелательного тепла круглых, немного наивных глаз – и одновременно что-то очень надежное, солидное, основательное – уж не от костюма ли и галстука? Я успела позабыть, когда в последний раз кокетничала с мужчиной... – да и кокетничала ли когда-нибудь? Вряд ли в квартале Джей-Эф-Кей существовал безумец, который бы осмелился подбивать клинья к подруге Мени Царфати...

– Что вы делали в Бостоне?

В круглых глазах мелькнула тень – мелькнула и тут же исчезла, растворившись в тепле карего взгляда.

– Почему ты решила, что я был в Бостоне?

– Костюм... галстук... – напомнила я.

– Ах да, – улыбнулся Мики. – Нет, я прилетел из Эл-Эй. Бизнес, Батшева. Я бизнесмен, отсюда и костюм. В Америке с этим строго.

– Бизнес? И чем же ты занимаешься? Биржа? Алмазы? Автоматы Калашникова?..

Рядом с ним и после нескольких бокалов я в самом деле расслабилась и почти забыла о своих безвыходных бедах. Мне хотелось поддевать его шутками и хохотать над ответными добродушными уколами. Он был своим в доску парнем, этот вдвое старший меня мужчина. Вдвое, втрое – какая на фиг разница? Со мной никогда не флиртовали ровесники. Со мной вообще никто никогда не флиртовал. Моему первому насильнику было под шестьдесят, второму – за тридцать.

– Если ты услышишь, кто я, то не поверишь, – с внезапной серьезностью отвечал Мики. – Люди обычно не верят, и это можно понять.

– А ты попробуй, – поддразнила его я. – Погоди, один момент... вот хлебну для храбрости...

Я сделала большой глоток и воззрилась на своего собеседника.

– Давай говори, я готова!

– Я работаю Богом, – сказал он и замолчал, выжидательно глядя в мои уже изрядно зали-
тые вином глаза.

Я приснула. Парень определенно умел пошутить. Не помню, чтобы мне было так инте-
ресно и забавно с кем-нибудь еще.

– Хорошо, что не чертом!

Мики помотал головой:

– Черта не существует, Батшева, заруби это себе на носу. Есть только Бог... Ну, что ты
смеешься, глупышка? Я ж предупреждал: не поверишь.

– Ладно, – отмахнулась я. – Не хочешь – не говори. Хотя вряд ли я могу помешать тебе
конкуренцией, чем бы ты там ни занимался. Мне в ближайшее время светит только один биз-
нес: продовольственный. Вот-вот начну кормить червей...

Эта – моя собственная – шутка показалась мне особенно смешной. Я давно заметила, что
самые забавные остроты, как правило, недалеко от реальности. Остроты, острые, как бритва
Мени Царфати.

– Извини, что лезу не в свое дело, но, по-моему, твой последний стакан был лишним, –
сказал Мики. – Кстати, гости уже разошлись, только мы с тобой и остались. Если хочешь, я
отвезу тебя домой.

С некоторым трудом установив голову в нужное положение, я обозрела окрестности. В
гостиной и впрямь наблюдалась образцовая тишь да гладь. Мали и ее подруги успели даже
убрать со стола... хотя долго ли убирать одноразовую посуду...

– Одноразовая посуда, Мики, замечательно удобная вещь, – доверительно сообщила я. –
Берешь одноразовую скатерть за четыре угла и – р-р-раз! – стол чист! Хотела бы я, чтобы так
же сделали и с моей поганой жизнью. Вот ты Бог, ты, наверно, можешь, а? Возьми мою поганую
жизнь за четыре угла...

Незаметно подошедшая Мали тронула меня за плечо.

– Батшевуш, милая... Я уложила Арика. Они с Рои обрадовались, что будут спать вме-
сте. Перемигивались, дурачки, хотели всю ночь бедокурить и оба заснули, едва коснувшись
подушки. Такие смешные. Тебе тоже пора, нет? Я постелю тебе здесь, в салоне.

Мики поднялся со стула и церемонно поклонился хозяйке.

– Спасибо, Мали. Вечеринка была прекрасной. У тебя замечательная племянница... – он
повернулся ко мне. – Батшева, еще раз с днем рождения.

«Сейчас уйдет, – поняла я. – Сейчас он уйдет, и все кончится. Кончится день рождения.
Кончится праздник. Не будет ни шуточек, ни костюма, ни галстука. Останется только Мени
Царфати, его чертова бритва и Джесси-факинг-Каган...»

– Стой, – сказала я вслух. – Стой, Мики. Ты вроде бы грозился отвезти меня домой?

– Брось, Батшева! – вмешалась Мали. – Тебе лучше остаться здесь. Я постелю...

– Мне лучше уехать, – перебила ее я. – Я уже большая девочка, тетя Мали. Не забывай:
в нашей семье беременеют в пятнадцать лет и сразу от семи отцов. Или от семидесяти семи...
Если не возражаешь, Арик побудет у тебя денек-другой. Здесь ему будет лучше, чем в моем
дворце. Мики?

Он подхватил меня под руку и помог встать. Совместными усилиями мы пересекли
гостиную и вышли на улицу. Мали беспомощно смотрела нам вслед. Вот будет номер, если
Менины солдаты действительно наблюдают за домом. Вот будет номер, если из какой-нибудь
машины сейчас вылезет мой муженек собственной персоной. Вот будет номер, если бедному
Мики придется расплачиваться за мои грехи...

– Моя тачка на соседней улице, – сказал Мики. – Дойдешь со мной или подождешь здесь?

– Дойду, – твердо ответила я, вцепившись в его надежную руку. – Если надо будет,
доползу. Я не останусь здесь одна, Мики. Я лучше сдохну, чем останусь одна в этом чертовом
месте. Хотя ты и утверждаешь, что черта нет.

Так – на четырех ногах, две из которых то и дело подкашивались, мы добрались до переулка и двинулись вдоль строя демократических «юндаев», «мазд» и пикапов, характерных для здешнего служилого и рабочего люда. Внезапно блеснувшая справа кошачья морда спортивного «ягуара» выглядела в этом ряду столь же неуместной, сколь и дорогой костюм моего провожатого в компании джинсов и футболок. Поэтому я почти не удивилась, когда выяснилось, что это и есть «тачка», о которой говорил Мики. Он распахнул дверь и со всей осторожностью помог мне всунуться на кожаное сиденье. Меня вдруг потянуло на слезы.

– Мики...

– Да, милая?

– Мне жалко твою машину... – всхлипнула я. – Что будет, если я заблую тебе этот космический корабль?

– Куплю новый, – проговорил он, уверенно выворачивая руль. – Слушай, ты не против, если я буду звать тебя Бетти? А то Батшева слишком...

– ...многоотцово... – подсказала я.

Мики рассмеялся.

– Слишком архаично и годится только для местного употребления. Зато Бетти везде как родная. И в Европе, и в Штатах.

– Эх ты куда хватил... – хмыкнула я. – Штаты... Ты, может, не согласишься, но мне никогда не приходилось бывать северней Нетании и западней Тель-Авива. Не подумай только, что я предпочитаю юг или восток. С Индией и Китаем мои дороги тоже не пересекались. У меня и паспорта-то нет. Ну какая из меня Бетти?

– Теперь все пойдет по-другому!

Это было что-то новое – как костюм, как «ягуар», как флирт. Мне часто угрожали, но никогда еще ничего не обещали. Меня брали просто так, без обещаний и объяснений. И даже если я ни на секунду не верила в это веселое «по-другому», в самом факте Микиного обещания была несомненная новизна, пусть и не подтвержденная какой-либо надеждой. Когда тебе вот-вот, не сегодня, так завтра, порежут на лохмотья обе щеки, а то и вовсе закопают под дюной, отчего бы не насладиться напоследок красивой иллюзией и поездкой в космическом корабле?

Машина вырулила на автостраду и понеслась в сторону Тель-Авива. Мики ткнул пальцем в кнопку, и заиграла музыка. «Адон олам». Господин мира.

«Адон олам... – пел скромный ашкеназский мужской голос, – царил всегда... во тьме времен, до света дней...»

– А, так ты же у нас Бог... – вспомнила я. – Царишь всегда. Смотри, чего доброго, я поверю и попрошу чего-нибудь.

Мики рассмеялся.

– Проси, чего хочешь, Бетти. Бог слушает. Правда, лично я, в отличие от Него, не всемогущ. Я – как бы это объяснить – работаю Богом на ограниченном кусочке мира.

– Ну вот, начинаются отговорки...

– Но песня и впрямь хорошая... – он прибавил звук. – Послушай. Узи Хитман. Люблю этого певца. Он мне особенно близок...

«...и Он один, и нет други-их...» – тянул особенно близкий певец.

Я скептически покачала головой:

– Слабоват голосок... Ашкеназы не поют, а мучаются. То ли дело Зоар. Знаешь Зоара? Он мне особенно близок. Как наркоман и насильник...

Мы проехали Глилот и теперь неслись по пустынному в этот час Аялонскому шоссе. Хитман запел что-то другое, и Мики резко убавил звук. Хочет сказать что-то важное, поняла я. Мужчины имеют обыкновение драматизировать такие моменты.

– Слушай, Бетти, – сказал Мики после небольшой, но внушительной паузы. – Зэвик обрисовал мне твою проблему. Не знаю, где ты прячешься от своего бандита, но, если он тебя ищет, резонно время от времени менять убежище.

– Поднимайся на следующем выезде, – сказала я.

Если этот парень на «ягуаре» думал, что я затаю дыхание и вся обращусь в слух, то ошибался. Что такого он может мне сообщить, чего бы я не знала? Что хочет меня трахнуть? Подумаешь, новость...

Мики кашлянул, привлекая мое внимание.

– В общем, я предлагаю тебе переехать. Конкретно ко мне. У меня большой дом. Будет удобно. И не подумай, что я... гм... имею на тебя виды.

– А вот это уже обидно, – сказала я. – Тут направо.

Он смутился и немного утратил свою божественную самоуверенность.

– Не подумай только... ты мне очень нравишься.

– Подумай... не подумай... – ухмыльнулась я. – Все в порядке, Мики. Честно говоря, я так напилась, что мне думается с трудом. И не думается тоже. Останови вон у того фонаря. Вот мы и приехали. Спасибо, что подвез.

– Ты хочешь сказать, что живешь здесь? – изумленно проговорил он.

Вид, открывающийся через лобовое стекло «ягуара», и в самом деле оставлял желать много лучшего. Меж переполненных мусорных баков взад-вперед прогуливались группами по трое – по четверо темные во всех смыслах личности в цветастых блузах и шароварах. Почти каждый сжимал в одной руке бутылку, из которой то и дело отхлебывал, а другой отмахивался от затейливо раздетых проституток обоих полов, которые наперебой приглашали в свои переливающиеся огоньками гирлянд полуподвальные заведения.

Более дешевые работницы ртом призывно махали из-за баков, из тупиков и из редких сгустков тени, то есть отовсюду, где можно в относительной приватности опуститься на колени перед расстегнутыми штанами клиента. Их сутенеры, развалясь на пластиковых стульях, зорко следили за уровнем эффективности торгового процесса и изредка подзывали подопечных, чтобы взбодрить их парой звонких пощечин. Из заваленных всевозможным хламом эритрейских и суданских лавчонок звучала заунывная музыка. Шустрые черные подростки сновали из конца в конец улицы с пакетиками ганжи, гашиша и синтетической дряни неизвестного происхождения. Тут и там вспыхивали пьяные драки – обычно быстро прекращаемые во имя продолжения коммерции.

Прибытие нашего серебристого космического корабля произвело на моих соседей впечатление, схожее, видимо, лишь с гипотетическим приземлением настоящей летающей тарелки. Уверена, что они куда меньше удивились бы появлению живого ягуара. Улица замерла, и челюсти отвисли буквально у всех – даже у тех, кто открывал здесь рот лишь по производственной необходимости.

– Да, Мики, тут я и живу, – как можно спокойней проговорила я и отстегнула ремень.

– Стой, – решительно скомандовал он. – Даже если тебе удалось выжить здесь с ребенком несколько дней...

– Почти три недели, – поправила я. – Ничего страшного. В общем...

– Заткнись! – перебил Мики. – Ты понимаешь, что теперь, когда они увидели тебя в этой тачке, вам тут точно не выжить? Подумай, дурочка, пораскинь мозгами. Вас загребут для выкупа уже завтра, если не сегодня...

Я не нашлась что ответить. Видимо, он был прав. Вот ведь пьяная дура! Не могла выйти раньше и пройтись пешком. Хотя одинокой белой девушке, да еще и под мухой, не очень-то хорошо гулять тут пешком в такое время. В два счета заташат в какую-нибудь нору и... бр-р-р... Что же теперь делать?

– Вот что, Бетти, – теперь Мики говорил тоном, не терпящим возражений. – Согласна ты или нет, мы уедем отсюда вместе. Прямо сейчас. Подозреваю, что в твоём убежище не слишком много ценностей, за которыми непременно нужно вернуться.

– У меня там вещи... одежда...

– Да и хрен с ней, с твоей одеждой! – прорычал он, впервые за время нашего знакомства потеряв терпение. – Куплю тебе новую!

«О, ещё одно обещание, – мысленно отметила я. – Сегодня точно какой-то особенный день...»

На меня вдруг навалилась жуткая усталость. Наверно, нужно было возразить, выйти из машины, гордо хлопнуть дверцей и, пройдя сквозь строй остолбеневших судано-эритрейских нелегалов, подняться в свою конуру. Подняться в конуру, упасть на койку и просто ждать, когда придут те, которые берут без обещаний – берут твоё тело, твою душу, твоё лицо, твою жизнь. Каждый должен отвечать за себя, стараясь при этом не впутывать других, никак не повинных в твоих дурацких неразрешимых проблемах. Но мне ужасно не хотелось покидать кожаное кресло космического корабля. Улететь в космос – это куда приятней, чем пятиться от руки с зажатой в ней бритвой.

– Мики, – сказала я, – ты хороший человек, но понятия не имеешь, во что ввязываешься. Парни из Джесси-факинг-Каган не прощают, когда кто-то лезет на их территорию. А я – как раз их территория.

– Ничего, как-нибудь переживу... – буркнул он и нажал на газ.

Серебристый «ягуар» плавно рванулся вперед. Мои теперь уже бывшие соседи в цветастых штанах бросились врассыпную, отскакивая от грозной пасти хищника – точь-в-точь как их бесштаные родственники в африканской саванне.

2

На следующее утро я проснулась с гудящей и тяжелой, как радиогиря, башкой. Поднять ее с подушки не представлялось возможным, поэтому мне оставалось лишь воспользоваться сохранившейся подвижностью век и зрачков. Неимоверным усилием воли приподняв первые и подвигав вторыми, я обнаружила, что лежу на кровати – одна и в том же платье, которое было на мне вчера. Мой благодетель... как же его?.. – ах да, Мики... Мой благодетель Мики снял с меня туфли, а все остальное вроде бы оставил нетронутым, включая девичью честь. Что слегка тревожило, ибо оставляло открытым вопрос – на хрена я ему тогда понадобилась.

На самом деле, открытых вопросов хватало и без этого. Например, что это за место? Поднапрягшись, я вспомнила, что отрубилась где-то на выезде из Тель-Авива во втором часу ночи. С того момента, судя по показаниям будильника, прошло без малого одиннадцать часов – если, конечно, подследственный не врет. Значит, за это время меня могли доставить куда угодно – хоть на Луну. Впрочем, нет, до Луны далековато; кроме того, там не водятся ягуары. А где они водятся? В Африке?.. В Америке?.. В Лондоне. Ягуары водятся в Лондоне. Теперь вспомнить бы, где водится Лондон...

Собравшись с духом, я скатила радиогирю с подушки и, взяв ее, то есть себя, в руки, сначала села на кровати, а затем и встала, вцепившись для верности в спинку дружелюбно подвернувшегося стула. Думаю, весь процесс превращения обезьяны в человека потребовал меньших усилий. Если уж совсем начистоту, обезьянам вряд ли стоило так стараться – результат вышел так себе. Кто-то, вон, решил остановиться на стадии ягуара, и получилось совсем неплохо...

Передавая себя как эстафетную палочку, вернее, как эстафетное бревно, от спинки стула к спинке кровати и далее – к стене, шкафу, еще одному стулу и, наконец, столу, я добрела до окна и раздвинула жалюзи. Как выяснилось, Лондон водился в пустыне! Снаружи на меня смотрело залитое солнцем светло-бежевое пространство с редкими островками серых от пыли кустов и уходящей за горизонт лентой шоссе. Слева и справа виднелась линия внушительных вилл с зелеными лужайками, голубыми пятнами частных бассейнов и увитыми виноградной лозой изгородями. От пустыни их отделял столь же внушительный пятиметровый забор – по-видимому, чтоб ягуары не разбежались: бетонные столбы, видеокамеры, колючка в два ряда и грунтовка для патрульных джипов.

Насмотревшись из окна, я обнаружила на столе записку. Мой благодетель сообщал, что уехал по делам и вернется к вечеру. Пока же мне предлагается чувствовать себя как дома: халат в ванной, жратва в холодильнике, ключ висит у входной двери.

«Поселок называется Офер, – писал Мики в заключение, – это недалеко от Беер-Шевы. Захочешь погулять – могут спросить, кто ты и что тут делаешь. Отвечай, что ты моя жена, а зовут тебя Бетти Шварц».

В ванной и в самом деле нашелся халат, а также полотенца и прочие детали, необходимые для окончательной эволюции похмельной обезьяны в мало-мальски приличную женщину. Одежду я сунула в стиральную машину, а в халате особо не выйдешь, поэтому пришлось занять себя кухней. Мики приехал, когда уже стемнело. Мы поужинали и легли в постель – не потому, что он настаивал, а потому, что мне самой хотелось внести хоть какое-то объяснение своему пребыванию здесь. Он был нежен и предупредителен – как раз то, что нужно. Иногда ты знать не знаешь, что тебе чего-то не хватает, а потом вдруг получаешь и думаешь: как я вообще без этого жила? Вот и у меня с Мики вышла ровно такая история.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.